

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 811.161.1'27:343

DOI 10.35266/2949-3455-2024-1-8

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЖАРГОНА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ПРЕСТУПНОМ МИРЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Кристина Александровна Зарубина

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

kris1996z@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>

Аннотация. Объектом настоящего исследования выступают вопросы формирования и развития уголовного жаргона как неотъемлемого элемента криминальной субкультуры профессионального преступного сообщества в дореволюционной России.

Целью исследования является анализ особенностей формирования и развития уголовного жаргона как особого социального диалекта отечественной криминальной среды дореволюционного периода.

Задачи исследования: определить время зарождения уголовного жаргона в преступной среде дореволюционной России; выявить основные функции «воровского» языка, используемого отечественным криминалитетом в рассматриваемый период; проанализировать развитие уголовного жаргона как неотъемлемого элемента криминальной субкультуры в рамках заданного хронологического периода.

Методологическая база исследования представлена совокупностью общенаучных, а также частнонаучных методов, в числе которых применялись хронологический, сравнительный, формально-логический и некоторые другие методы исследования.

Определено, что на разных этапах развития российского криминального мира по изменениям, происходящим в уголовном жаргоне, можно судить о различных тенденциях трансформации преступной среды.

Уголовный жаргон в дореволюционный период в России начал активно формироваться и использоваться люмпенизированными слоями населения начиная с XVII в. Тайный язык носил идентификационную, коммуникативную и конспиративную функции. Формирование особого «воровского» языка в преступном мире дореволюционной России связано с качественными изменениями российского преступного мира, выделением из криминальной среды сообщества преступников-профессионалов. В конце XIX – начале XX в. «воровской» язык стал неотъемлемой частью криминальной субкультуры, сохраняющей и преумножающей традиции и обычаи профессионального криминалитета.

Ключевые слова: профессиональный преступный мир, криминальная субкультура, уголовный жаргон, «воровской» язык, преступник, криминальная иерархия, социальный диалект

Финансирование: публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 085102020-0033).

Для цитирования: Зарубина К. А. Формирование и развитие уголовного жаргона в профессиональном преступном мире дореволюционной России // Вестник Сургутского государственного университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 85–91. DOI 10.35266/2949-3455-2024-1-8.

Original article

THE BEGINNING AND DYNAMICS OF CRIMINAL JARGON IN THE PROFESSIONAL CRIMINAL ENVIRONMENT OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Kristina A. Zarubina

Southwest State University, Kursk, Russia

kris1996z@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2725-6906>

Abstract. The subject of the study is the formation and dynamics of criminal jargon as an integral element of the criminal subculture of the professional criminal community of pre-revolutionary Russia.

The study aims to analyze the peculiarities of the formation and dynamics of criminal jargon as a special social dialect of the domestic criminal environment of the pre-revolutionary period.

The objectives of the study are to determine the time of the origin of criminal jargon in the criminal environment of pre-revolutionary Russia, identify the main functions of the thieves cant used by domestic criminals in the period under review, and analyze the development of criminal jargon as an integral element of the criminal subculture in various chronological periods.

The methodological base of the study is represented by a set of general and private scientific methods, including chronological, comparative legal, formal logical, and some other research methods.

It was determined that at different stages of the development of the criminal world, according to the changes in criminal jargon, different trends in the development of the criminal environment can be identified.

In the 17th century, the underclass actively produced and employed criminal jargon in pre-revolutionary Russia. The secret language served such purposes as identification, communication, and conspiracy. The formation of a special thieves cant in the criminal environment of pre-revolutionary Russia is associated with the qualitative transformation of the Russian criminal world and the isolation of a community of professional criminals from the criminal environment. In the late 19th and early 20th centuries, thieves became an integral part of the criminal subculture, preserving and multiplying professional criminal traditions and customs.

Keywords: professional criminal environment, criminal subculture, criminal jargon, thieves cant, criminal, criminal hierarchy, social dialect

Funding: the study was conducted as part of the state task for 2024 “Transformation of Private and Public Right in Conditions of Evolving Personality, Society, and State” (No. 085102020-0033).

For citation: Zarubina K. A. The beginning and dynamics of criminal jargon in the professional criminal environment of pre-revolutionary Russia. *Surgut State University Journal*. 2024;12(1):85–91. DOI 10.35266/2949-3455-2024-1-8.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовный жаргон – это особый социальный диалект, возникший и развивающийся в криминальной среде и имеющий свои семантико-стилистические особенности, отличающие его от литературного языка [1, с. 606–610]. Криминальный или «воровской» язык, «блатная музыка», «феня» является неотъемлемым элементом криминальной субкультуры, формирование которой указывает на более высокую степень развития преступного мира, выделение из него профессионального криминалитета.

В настоящее время исследователи различают разные виды уголовного жаргона, которые варьируются в зависимости от конкретной местности и занятий носителей криминального языка. Так, сегодня выделяют общеуголовный жаргон, носителями которого являются все представители криминалитета, жаргон профессиональных преступников и тюремный жаргон, используемый исключительно в местах лишения свободы. В настоящее время в «блатной музыке» учеными насчитывается более 15 тыс. слов и словосочетаний [2, с. 309–310] (по некоторым

сведениям – 25 тыс. [3, с. 46–52]). Базируясь на грамматике и фонетике общенационального языка, уголовный жаргон имеет значительные социально-групповые и диалектные различия. При этом, по справедливому замечанию отдельных исследователей, «воровской» язык является неоднородным и динамичным, поскольку помимо устойчивого лексического пласта, на употребление которого, как правило, не влияют происходящие в обществе и государстве социально-экономические изменения, в уголовном жаргоне существуют лексические группы, возникающие и исчезающие вследствие протекания различных социальных процессов, затрагивающих преступный мир [4, с. 85–92]. Однако распространенность, структура и содержание уголовного жаргона сегодня существенно отличаются от дореволюционного периода России – времени, когда преступный язык только начинал формироваться.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектом настоящего исследования выступают вопросы формирования и развития уголовного жаргона как неотъемлемого элемента криминальной субкультуры профессионального преступного сообщества дореволюционной России.

Целью исследования является анализ особенностей формирования и развития уголовного жаргона как особого социального диалекта отечественной криминальной среды дореволюционного периода.

Методологическая база исследования представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов, в числе которых применялись хронологический, сравнительный, формально-логический и некоторые другие методы исследования. Хронологический метод исследования использовался для определения времени зарождения уголовного жаргона в преступной среде дореволюционной России и анализа развития уголовного жаргона как неотъемлемого элемента криминальной субкультуры на разных этапах эволюции российского общества. Сравнительный метод использовался для определения

отличительных особенностей развития криминального языка в дореволюционной России в различных исторических реалиях. Формально-логический метод применялся для определения содержания, основных функций «воровского» языка, используемого отечественным криминалитетом в рассматриваемый период времени.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Общеизвестно, что основная цель существования тайного криминального языка – конспиративная. Уголовный жаргон издревле использовался для шифровки различных сообщений, передаваемых членами преступных группировок. Это было необходимо не только для того чтобы «непосвященные» не знали о планах и действиях преступников, но и для обеспечения неуязвимости от уголовного преследования. Криминальные элементы стремились скрыть свои истинные намерения от сотрудников правоохранительных органов, максимально их запутать и уйти от ответственности. Последнее дает основание полагать, что формирование и активное развитие уголовного жаргона в дореволюционной России началось именно после укрепления системы охраны правопорядка в государстве. Таким периодом в отечественной истории был XVII в., время, когда по завершении Смуты в государстве формировалась единая вертикаль власти, значительно укрепилось как центральное, так и местное управление, появились специализированные органы власти, деятельность которых была направлена на обеспечение общественной безопасности в стране, борьбу с преступностью.

Однако «источником» формирования особого «секретного» языка исследователи называют разные социальные группы. Отдельные ученые полагают, что появление уголовного жаргона связано с активизацией деятельности волжских разбойников в XVII–XVIII вв., другие – с происхождением условных языков низших слоев населения, промышленников бродяжничеством и попрошайничеством (например, беглых крестьян

и холопов) [5, с. 136–141]. Третьи считают, что истоки «воровского» языка восходят к так называемому офенскому языку. Офени – это коробейники, торговцы различными мелкими товарами, ходившие по населенным пунктам и предлагавшие местному населению разные изделия. В подтверждение данной точки зрения исследователи приводят пример появления выражения «ботать по фене», т. е. разговаривать на «воровском» языке [6, с. 540–545; 7, с. 31–35]. Однако первые упоминания об использовании особого тайного языка связаны не только с коробейниками, но и с лицами, действительно, имеющими прикосновенность к преступной жизни. Так, в XVII в. голландский мемуарист И. Масса писал о том, что у бывших холопов, «гулящих» на свободе, существовал свой тайный язык, именуемый отверницей (новые слова в нем появлялись посредством «отворачивания» или «переворачивания» слогов слов, откуда и название) [8, с. 66–70]. Отдельно подчеркнем, что беглые холопы и крестьяне нередко добывали себе средства для существования разбоем, грабежом и воровством, используя этот социолект для конспирации. Это дает основания полагать, что с «офеней» можно отождествлять не только мелких торговцев, но и вообще лиц, «гулящих» на свободе и промышляющих «легким», но чаще всего преступным заработком, ввиду чего грани использования тайного языка по кругу лиц в этот период четко определить не представляется возможным.

На основании вышеизложенного полагаем, что формирующийся в этот период уголовный жаргон (или ранние формы воровского аргота [9, с. 72]) по своей сути был социальным диалектом люмпенизированных слоев российского общества, нередко имеющих прямую прикосновенность к преступной жизни ввиду отсутствия у них постоянного заработка и вынужденных использовать различные методы конспирации (в том числе тайный язык) в связи с усилением охраны общественной безопасности в стране.

Так, можно заключить, что особо интенсивно уголовный жаргон в России начал формироваться приблизительно с XVII в., хотя

в полном смысле слова зарождающийся тайный язык еще не был исключительно уголовным, поскольку его использовали и лица, не имеющие отношения к преступной деятельности (пример – мелкие торговцы).

Анализируя трансформацию «воровского» языка в дореволюционной России, отметим, что одним из наиболее информативных источников существования особого преступного социолекта были материалы дела Ваньки Каина – известного профессионального преступника XVIII в. Согласно сохранившимся сведениям, в воровской лексике представленного периода вместо понятия «вор» употребляли выражение «брат нашего сукна», отправиться на воровство значило «пойти на черную работу», мошенничать – «подавать милостыню», а совершить карманную кражу – «пошевелить в кармане», пьяных жертв преступления, в свою очередь, называли «сырыми». Примечательно, что уже в XVIII в. воры особым образом именовали пенитенциарные учреждения: тюрьмы – «каменным мешком», а застенки – «немшонной баней» [10, с. 46–48]. Языковед А. Шор справедливо относил особо активное развитие уголовного языка в России именно к XVIII в., связывая это с распространением краж в городской среде и интенсивным образованием преступных группировок [11, с. 128–132].

Также отметим, что в это время начался процесс утверждения уголовно-профессионального языка некоторых категорий преступников-профессионалов. К примеру, у карманников, наиболее мастеровитых воров, промышлявших кражами из карманов и ручной клади, в XVIII в. насчитывалось до 140 специальных жаргонизмов [12].

В XIX – начале XX в. в России, в свою очередь, с формированием преступных специализаций и выделением в среде «профессионалов» узких «специалистов» у каждого отчасти замкнутого профессионального преступного сообщества, выделяемого по специфике преступной деятельности, утвердился свой собственный уголовный жаргон [13, с. 77–83]. Так, в этот период складывается типология русской

воровской речи: жаргон разбойников, воров антиквариата, домушников и т. д. Продолжает формироваться «универсальный» общеуголовный криминальный язык [14, с. 279–285].

Отдельно подчеркнем, что язык профессиональных преступников в XIX – начале XX в. в России активно пополнялся новыми лексемами. Например, в г. Санкт-Петербурге в этот период воровство стали именовать «торговлей», карманников – «мазуриками», а сам промысел воров – «темным товаром». «Склеиваться» на уголовно-воровском жаргоне означало договариваться о совершении группового преступления, наиболее маститых воров именовали «мазами», а «затырщиками» или «шатунами» – преступников, принимающих и скрывающих «воровскую» добычу [15, с. 126–130]. Для свободного владения жаргоном преступнику в это время необходимо было запомнить слова из определенных тематических групп: наименования жертв преступления, орудий совершения преступных деяний, обозначение самого преступления (например, идти на «работу» или на «дело»), мест лишения свободы, предметов обихода и другое [4, с. 85–92]. Так, диалект преступников наполнился множеством новых лингвистических единиц, что способствовало формированию языка профессионального криминалитета [11, с. 128–132].

Также на активное развитие «воровского» языка в этот период указывает появление в России в XIX – начале XX в. серий различных словарей уголовного жаргона, где отражалась и сформировавшаяся к этому времени структура преступной иерархии. Так, лиц, занимающих высшее положение в криминалитете в данный период, именовали «иванами» (те, кого позже назовут «ворами в законе»). Чуть ниже в криминальной иерархии располагались «храпы». Они отличались от «иванов» отсутствием в поведении смелости и решительности, пребывали в состоянии «тихой» оппозиции и на все всегда «храпели» (отсюда и название). «Игроки» – это профессиональные мошенники, шулеры дореволюционного периода. «Шпанки» занимали низшее положение в преступном мире этого времени, их

воспринимали как покорное большинство, всячески эксплуатировали и заставляли выполнять не только свою, но и чужую работу в местах лишения свободы [16, с. 56–57].

Как видим, основная функция уголовного жаргона накануне крушения Российской империи в преступном мире сводилась к конспиративной или криптолалической, заключающейся в сокрытии истинных намерений преступников от лиц, не имеющих отношения к криминальным кругам. Помимо кодирования информации преступники посредством использования тайного языка могли выявить подосланных правоохранительными органами лиц, не владеющих необходимыми навыками «вербальной техники». Кроме того, тайный язык выполнял коммуникационную функцию, поскольку преступники с помощью особых лексем «обслуживали» свою общественно опасную деятельность, обменивались необходимой криминальной информацией. Также посредством использования тайных слов и выражений преступники проводили иерархическую «диагностику», идентифицировали своих «коллег» по преступному «ремеслу».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на разных этапах развития отечественного криминалитета по изменениям, происходящим в уголовном жаргоне, можно судить о трансформации преступной среды в целом. Уголовный жаргон в дореволюционный период в России начал активно формироваться и использоваться люмпенизированными слоями населения начиная с XVII в., времени укрепления власти на местах и в центре, усиления государственных мер борьбы с преступностью. Тайный язык носил идентификационную, коммуникативную и конспиративную функции. Формирование особого «воровского» языка как элемента криминальной субкультуры в этот период указывало на качественное изменение российского криминального мира, выделение из преступной среды сообщества преступников-профессионалов, для обеспечения нормального существования которого требовалась

усиленная конспирация, создаваемая, в том числе, посредством внедрения в жизнь особой системы общения. В результате этого к концу XIX – началу XX в. «воровской» язык стал неотъемлемой частью криминальной

субкультуры, сохраняющей и приумножающей традиции и обычаи профессионального криминалитета и формирующей у носителей тайного языка особое мировоззрение и образ мышления.

Список источников

1. Шкурятенко Е. В. Уголовный жаргон – коммуникативный атрибут уголовной субкультуры (историко-правовой аспект) // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД, 16 мая 2018 г., г. Могилев. Могилев : Могилев. институт МВД Республики Беларусь, 2018. С. 606–610.
2. Красковский Я. Э. Уголовный жаргон // Надежность и качество : тр. междунар. симпозиума. Т. 2. 2014. С. 309–310.
3. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. Т. 6, № 2. С. 46–52.
4. Даштар-Оол В. О. Жаргон – элемент криминальной среды // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 85–92.
5. Шалагин А. Е. Криминальная среда и ее общественная опасность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. Т. 1, № 2. С. 136–141.
6. Алексеев А. И. Краткая история и особенности криминального жаргона // StudNet. 2020. № 12. С. 540–545.
7. Коротева Н. А. Происхождение уголовного жаргона в России и меры борьбы с его распространением в современном обществе // Отечественная юриспруденция. 2020. № 5. С. 31–35.
8. Хаджаева Н. Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социальной лексики // Lingua Mobilis. 2011. № 6. С. 66–70.
9. Приемышева М. А. Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. I. СПб. : Нестор-История, 2009. 455 с.
10. Акельев Е. В. Московские мошенники в XVIII в.: клички, язык, развлечения // Живая старина. 2007. № 1. С. 46–48.
11. Грачёв М. А. Интервенция криминального языка // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 128–132.
12. Гуров А. И. Профессиональная преступность. М., 1990. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/05.htm> (дата обращения: 08.01.2024).
13. Зарубина К. А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.
14. Юнаковская А. А. «Записки из Мертвого дома» и «Сибирская тетрадь» Ф. М. Достоевского как

References

1. Shkuratenko E. V. Uголовnyi zhargon – kommunikativnyi atribut uголовnogo subkultury (istoriko-pravovoi aspekt). In: *Proceedings of the Research-to-Practice Conference devoted to the 70th Anniversary of Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus* “Pravovaia kultura v sovremennom obshchestve”, May 16, 2018, Mogilev. Mogilev: Mogilev Institute of the MIA of the Republic of Belarus; 2018. p. 606–610. (In Russian).
2. Kraskovsky Ya. E. Uголовnyi zhargon. In: *Proceedings of the International Symposium “Reliability & Quality”*. Vol. 2. 2014. p. 309–310. (In Russian).
3. Khisamutdinov F. R., Shalagin A. E. Kriminalnaia subkultura i ee preduprezhdenie. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 2015;6(2):46–52. (In Russian).
4. Dashtar-Ool V. O. Jargon is a part of criminal environment. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social Sciences and Humanitarian*. 2010;(1):85–92. (In Russian).
5. Shalagin A. E. The criminal environment and its social danger. *Scientific Notes of Kazan Law Institute of MIA of Russia*. 2016;1(2):136–141. (In Russian).
6. Alekseev A. I. Brief history and features of criminal jargon. *StudNet*. 2020;(12):540–545. (In Russian).
7. Koroteeva N. A. Proiskhozhdenie uголовnogo zhargona v Rossii i mery borby s ego rasprostraneniem v sovremennom obshchestve. *Otechestvennaia iurisprudentsiia*. 2020;(5):31–35. (In Russian).
8. Khadgaeva N. Kh. Lingvoculturological aspect of appearance in the language of sociolect vocabulary. *Lingua Mobilis*. 2011;(6):66–70. (In Russian).
9. Priemysheva M. A. Tainye i uslovnye iazyki v Rossii XIX v. Pt. 1. St. Petersburg: Nestor-Istoriia; 2009. 455 p. (In Russian).
10. Akelyev E. V. Moskovskie moshenniki v XVIII v.: klichki, iazyk, razvlecheniia. *Zhivaia starina*. 2007;(1):46–48. (In Russian).
11. Grachyov M. A. Interventsiia kriminalnogo iazyka. *Nauka i zhizn*. 2009;(4):128–132. (In Russian).
12. Gurov A. I. Professionalnaia prestupnost. Moscow; 1990. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/05.htm> (accessed: 08.01.2024). (In Russian).
13. Zarubina K. A. On the development of the criminal subculture in Russia in the pre-revolutionary period. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2022;(6):77–83. (In Russian).
14. Yunakovskaja A. A. “Notes from the dead house” and “The Siberian writing-book” of F. M. Dostoevsky as the basis Russian linguistics of criminal

основа русской лингвокриминалистики // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 279–285.

15. Новак М. В., Горяинова А. С. Изучение тюрьмы и преступности в России XIX и начала XX веков // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 4. С. 126–130.
16. Мацкевич И. М. Мифы преступного мира. М. : Проспект, 2014. 365 с.

Информация об авторе

К. А. Зарубина – кандидат исторических наук, преподаватель.

sphere. *Herald of Omsk University*. 2012;(1):279–285. (In Russian).

15. Novak M. V., Goryinova A. S. The study of prisons and crime in Russia in 19th and early 20th centuries. *Science. Art. Culture*. 2018;(4):126–130. (In Russian).
16. Matskevich I. M. Mify prestupnogo mira. Moscow: Prospekt; 2014. 365 p. (In Russian).

Information about the author

K. A. Zarubina – Candidate of Sciences (History), Lecturer.